

УДК 811.161.1

Н. И. Самсоненко

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА МУЖСКОГО РОДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Н. І. САМСОНЕНКО. МОРФОЛОГІЧНА ДОМІНАНТА ЧОЛОВІЧОГО РОДУ В РОСІЙСЬКІЙ ПОЕЗІЇ.

Стаття присвячена одному із типів морфологічної домінанти поетичного тексту – домінанті чоловічого роду. Аналіз проведено на матеріалі поетичних творів ХХ – початку ХХІ століття (Г. Іванов, О. Кабанов, В. Полозкова). У статті стверджується, що накопичення однорідних граматичних одиниць – грамем чоловічого роду – у рамках одного поетичного твору призводить до актуалізації семи маскулінності, яка зображується з точки зору самотнього існування ліричного героя, нейтралізує гендерне сприйняття ліричного героя, передає антропоморфізоване сприйняття іменника-неістоти чоловічого роду.

Ключові слова: поетичний текст, поетичний твір, морфологічна домінанта, чоловічий рід, актуалізація, маскулінність, ліричний герой.

Н. И. САМСОНЕНКО. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА МУЖСКОГО РОДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

Статья посвящена одному из типов морфологической доминанты поэтического текста – доминанте мужского рода. Анализ проводится на материале поэтических произведений ХХ – начала ХХІ века (Г. Иванов, А. Кабанов, В. Полозкова). В статье утверждается, что скопление однородных грамматических единиц – граммем мужского рода – в рамках одного поэтического произведения приводит к актуализации семы маскулинности, которая изображается с точки зрения одинокого существования лирического героя, нейтрализует гендерное восприятие лирического героя, передает антропоморфизированное восприятие неодушевленного существительного мужского рода.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтическое произведение, морфологическая доминанта, мужской род, актуализация, маскулинность, лирический герой.

N. I. SAMSONENKO. MORPHOLOGICAL DOMINANT OF MASCULINE GENDER IN RUSSIAN POETRY.

The article deals with one of morphological dominant types – the dominant of masculine gender. The analysis is based on poetical compositions of the representatives of the ХХ – the beginning of the ХХІ century Russian poetry: G. Ivanov, A. Kabanov and V. Polozkova. The purpose of the article is to represent the expressive power of morphological dominant as a linguopoetic phenomenon and to define in what way formal grammatical meanings of masculine gender dominant units affect the process of the general idea forming of a poetical composition. The concentration of homogeneous grammatical units leads to the actualisation of a certain meaning which is supported by other phonetic, lexical and syntactic means. It is asserted in the article that the accumulation of masculine gender grammemes results in actualisation of a masculinity seme which is presented from the point of view of a male persona's solitary existence, neutralisation of gender a persona's gender perception, or the anthropomorphised perception revealing of a masculine gender unanimated noun.

Key words: poetic text, poetical composition, morphological dominant, masculine gender, actualisation, masculinity, persona.

Морфологический уровень исследования языка долгое время находится под пристальным вниманием многих исследователей XX века. Начиная с работ К. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, морфологический уровень текста исследуется в связи с выражаемыми им грамматическими смыслами. Дальнейшие работы Ю. М. Лотмана, Л. Ф. Тарасова, Я. И. Гина, И. И. Ковтуновой, И. А. Ионовой, Л. В. Зубовой, О. Г. Ревзиной, Н. А. Фатеевой, Е. А. Красильниковой, Е. А. Скоробогатовой и других исследователей сместили фокус внимания на изучение морфологических значений, выражаемых системой однотипных морфологических показателей, функционирующих в отдельно взятом поэтическом произведении. Накопление той или иной морфологической формы, ее частотный повтор в рамках поэтического произведения или отрывка позволяет выделить определенную морфологическую форму как преобладающую на фоне остальных. В таких случаях мы говорим о морфологической доминанте, под которой мы, вслед за Е. А. Скоробогатовой, понимаем «преобладающую в тексте морфологическую форму и / или созданное соположением форм грамматическое значение, которые являются частотными в данном тексте и связаны с его содержанием» [15, с. 383]. Морфологическая доминанта рассматривается нами как набор однотипных единиц, которые характеризуются определенной морфологической однородностью и выполняют в поэтическом тексте структуро- и смыслообразующие функции. Насыщенность и перенасыщенность однородных грамматических форм в рамках определенного поэтического фрагмента не только привлекает внимание читателя, но и является носителем вторичного дополнительного смысла, скрытого или очевидного при прочтении поэтического произведения: «Ведь слова, морфемы, словесные формы представляют собой феномен вторичного осознания языкового материала, возникающего поверх того, что говорящему известно первично и непосредственно» [1, с. 208].

Объектом исследования настоящей статьи является морфологическая доминанта мужского рода, представленная в русской поэзии. Цель работы – определить, как формальные грамматические значения доминантной единицы мужского рода влияют на формирование общего поэтического смысла произведения. Актуальность исследования определяется недостаточным описанием в современной лингвистике функционирования родовых доминант в русском поэтическом тексте.

В современном русском языке семантика рода формируется на разных языковых уровнях: лексическом, морфологическом, словообразовательном и синтаксическом. Морфологическая категория рода охватывает «имя существительное, имя прилагательное (в том числе прилагательное-числительное и прилагательное-местоимение) и глагол (формы прошедшего времени, формы сослагательного наклонения, причастия)» [8, с. 177]. Категория рода именных частей речи охватывает имя существительное и имя прилагательное. Для имени существительного род является одной из основных категорий, но в то же время одной из наиболее неоднородных по лексико-грамматическим свойствам: «Главное противоречие категории рода состоит в том, что она не является ни полностью лексической, ни полностью грамматической» [3, с. 194]. Основное ее значение заключается в передаче «объективно существующего во внеязыковой действительности разделения объектов по признакам одушевленности и пола» [12, с. 18].

Сама категория рода, по мнению ряда исследователей, не относится к числу грамматических категорий с высоким экспрессивным потенциалом. Например, В. В. Лопатин относит категорию рода вместе с категорией падежа, к категориям «оценочный потенциал которых минимален» [7, с. 72], хотя и допускает наличие экспрессивного потенциала при наличии определенных условий. Наш материал показывает, что в поэтическом тексте, где каждый из языковых элементов является значимым, категория рода проявляет высокие потенциальные экспрессивно-стилистические возможности. А. А. Потебня подчеркивал эту особенность: «О том, имеет ли род смысл, можно судить лишь по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться, т.е. по произведениям поэтическим» [11, с. 483].

Категория мужского рода связана с идеей пола и является неотъемлемой частью оппозиции мужской – женский [14, с. 117]. Рассмотрим стихотворение Г. Иванова «По дому бродит полуночник...», в котором представлена морфологическая доминанта мужского рода. Для выявления особенностей функционирования доминанты мужского рода и межуровневого взаимо-

действия всех элементов произведения приводим полные тексты анализируемых поэтических произведений:

*По дому бродит полуночник –
То улыбнется, то вздохнет,
То ослабевший позвоночник
Над письменным столом согнет.*

*Черкнет и бросит. Выьет чаю,
Загрезит чем-то наяву.
...Нельзя сказать, что я скучаю.
Нельзя сказать, что я живу.*

*Не обижаясь, не жалея,
Не вспоминая, не грустя...
Так труп в песке лежит, не тлея,
И так рожденья ждет дитя.*

(Г. Иванов «По дому бродит полуночник...») [4, с. 140]

Из 8 существительных, представленных в поэтическом произведении, 6 существительных мужского рода (*полуночник, позвоночник, стол, чай, труп, песок*), и 2 – среднего (*рожденье, дитя*). Сосредоточенность на изображении лица мужского пола (*полуночник*) поддерживается введением ряда неодушевленных существительных мужского рода (*позвоночник, стол, чай, труп, песок*). Первые три существительные (*позвоночник, стол, чай*) связаны с изображаемым миром лирического героя стихотворения, остальные – формируют отстраненный ракурс изображения. Все стихотворение условно можем расчленить на три фрагмента, отличающиеся особенностью пространственного восприятия: 1) ближний план, описывающий лирического героя от 3-го лица (первые 6 строк), в котором происходит описание внутреннего мира персонажа через мир внешний; 2) внутреннее представление лирического героя от 1-го лица (7 и 8-я строки); 3) отстраненное изображение, взгляд со стороны обобщенного наблюдателя (11 и 12-я строки). И. И. Ковтунова отмечает, что «отношения между внутренним и внешним адресатами важны для выявления семантической структуры лирического текста и для определения семантики и функций ряда грамматических единиц в лирической поэзии» [6, с. 21].

Отстраненное изображение построено на контрасте морфологической родовой оппозиции мужского и среднего рода (*труп, песок – рожденье, дитя*). Родовое противопоставление поддерживается лексическим контрастом идеи смерти (*труп, песок*) и жизни (*рожденье, дитя*). Отмирание, увядание передано статичным глаголом *лежит*, а надежда на возникновение или продолжение жизни – глаголом *ждет*. Следует отметить, что идея отмирания / увядания актуализируется изображением вертикального перемещения лирического героя (*бродит, позвоночник*) с последующим изображением перехода в горизонтальную плоскость (*позвоночник // Над письменным столом согнет*), что свидетельствует о нестабильности его психо-эмоционального состояния. Пограничное состояние лирического героя передано сменяющимися эмоциями и действиями (*улыбнется / вздохнет, черкнет / бросит*). Данное поэтическое произведение, помимо преобладания грамем мужского рода, характеризуется наличием сплошной числовой доминанты – доминанты единственного числа, которая способствует актуализации мотива одиночества.

В поэзии XX века родовые противопоставления мужского / женского рода нередко формируют лирическую структуру стихотворения, развертывание любовно-интимной основы его сюжета. Поэзия XXI века, для которой характерны поиски новых форм для выражения определенного смысла, проявляет тенденцию к асимметрии родового противопоставления. Гендерная сущность лирического Я может быть невыраженной, спрятанной. В одном из стихотворений Веры Полозковой доминирование форм мужского рода разрушает традиционную для любовной лирики XX века гендерную оппозицию 'мужское – женское'.

*Я твой щен: я скулю, я тычусь в плечо незряче,
Рвусь на звук поцелуя, тембр – что мглы бездонней;
Я твой глупый пингвин – я робко прячу
Свое тело в утесах теплых твоих ладоней;
Я картограф твой: глаз – Атлантикой, скулу – степью
А затылок – полярным кругом: там льды;
пероетапiеhапероетапiе's iпероетапiе.
Я ученый: мне инфицировали бестебье.
Тебя дефицит.
Ты встаешь рыбной костью в горле моем – мол, вот он я.
Рвешь сетчатку мне – как брусчатку молотит взвод.
И – надцатого мартабря – я опять животное,
Кем-то подло раненное в живот.
(В. Полозкова «Я твой щен: я скулю, я тычусь в плечо незряче ...») [10].*

Экспрессивной родовой доминантой данного стихотворения является мужской род – 11 словоформ, формы женского (6) и среднего (4) рода выполняют вспомогательную функцию. Стихотворение построено по оппозитивной модели «Я – Ты», в которой Я представлено невыраженным полом, за которым может скрываться как лирический герой женского / мужского пола, так и само состояние его детскости, а Ты – представлено мужским началом. Частотный повтор личного местоимения первого лица *Я*, его падежной формы (*мне*) и притяжательного прономинатива (*моем*) усиливает оппозицию Я – Ты. Сущность лирического Я описывается автором как неотъемлемая и неделимая часть мужского, что реализуется в синтаксическом повторе сочетаний *Я твой щен*, *Я твой глупый пингвин*, *Я картограф твой*, *Я ученый*, *Я животное*. Самоопределение *Я* как существа с невыраженным полом реализовано соответствующими родовыми формами существительных мужского (*пингвин*, *картограф*), общего (*ученый*) и среднего (*животное*) рода. Поиск новых форм, связанный с гендерным осмыслением личности, в данном стихотворении приводит к асимметрии родовой представленности лирического Я по отношению к четко выраженному лирическому мужскому Ты.

Существительное *щен*, образованное усечением форманта –ок, созвучного «суффиксу субъективной оценки» [17, с. 104], в данном слове является окказиональным образованием мужского рода. Общее доминирование мужского рода повлекло за собой образование *щен* от *щенок*, которое в свою очередь, являясь существительным мужского рода, тоже несет сему уменьшительности и детскости, но никак не маскулинности. По справедливому замечанию О.Г. Ревзиной, «для этого смысла не нашлось слова в словаре, вот и пришлось поэту создать новое слово» [13, с. 304]. Данное поэтическое индивидуально-авторское новообразование подчиняется общей семантико-морфологической доминанте произведения.

В данном стихотворении идейную доминанту невозможности бытия лирического Я без лирического адресата *Ты*, к которому он обращается, усиливают семантические сращения *бестебье* и *тебядефицит*, образующие уникальные сверхпонятия и являющиеся, по словам Н. А. Николиной, одними из излюбленных приемов современной поэзии [9, с. 90]. Такое отступление от нормы, поэтическая «девиация» (термин Н. А. Фатеевой) нацелена на «приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую» [16, с. 337].

Мотив одиночества лирического Я, помимо указанных лексических, морфологических и синтаксических средств, передан преобладанием форм единственного числа, что усиливает мотив тоски и одиночества.

Род неодушевленного существительного мужского рода также может выступать в качестве идейной основы стихотворения, как, например, в поэзии А. Кабанова «Из блокнытика»):

*Блокнотик мой,
взъерошенный блокнытик –
графитовый зрачок.
Поэзия имеет много критик,
а ты еще – птенец, черновичок,*

*который открывает клювик,
голодный, как всегда,
мой кукушонок, мой единолюбик –
выталкивает
книгу из гнезда.*

*Блокнотик мой,
учись летать скорее,
нам предстоят воздушные бои.
И в холода
пускай тебя согреют –
каракули мои.
(А. Кабанов «Из блокнытика») [5].*

В данном случае *блокнотик* антропоморфизируется путем сопоставления с созвучным индивидуально-авторским сложным существительным *блокнытик*. Лирический герой стихотворения обращается к своему адресату, блокнотику, как к верному другу, способному вместить и хранить все сокровенные письменные тайны и переживания. На наш взгляд, именно понятие ‘друг’ «одно из ключевых слов русской культуры» [2, с. 27] предопределило родовую доминанту стихотворения. Восприятие блокнотика как младшего товарища реализуется в употреблении уменьшительно-ласкательных суффиксов других существительных мужского рода (*черновичок, клювик, кукушонок, единолюбик*) и передается как вместилище незрелых поэтических строк: *Поэзия имеет много критик, / а ты – еще птенец, черновичок*. Граммемы женского рода *поэзия* и *книга* выступают показателями материнского начала по отношению к блокнотику, в котором записываются сокровенные поэтические строки.

Проведенное исследование на материале русской поэзии XX – начала XXI века позволило выявить некоторые особенности функционирования доминантных единиц рода. Сгущение однородных граммем, приводящих к формированию морфологической доминанты, способствует актуализации того или иного значения, выраженного художественными средствами. Концентрация граммем мужского рода в рамках одного текстового пространства приводит к образованию морфологической доминанты мужского рода, которая в целостной структуре поэтического произведения актуализирует сему маскулинности на фоне изображения картины одинокого существования лирического героя, приводит к асимметрии родового противопоставления путем нейтрализации гендерного восприятия лирического героя, либо антропоморфизирует неодушевленное существительное мужского рода, наделяя его качествами, присущими представителю мужского пола. Перспективой исследования является изучение экспрессивного потенциала других морфологических категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. Захарова У. С. Лексическая репрезентация «Ориентации на отношения / на себя» как одного из смыслов культурной доминанты «Маскулинность / фемининность» (на материале английского и русского языков) / Ульяна Сергеевна Захарова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 371. – С. 27–30.
3. Зубова Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной русской поэзии / Л. В. Зубова // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Е. В. Андреева, А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, Ю. Л. Воротников. – СПб.: Наука, 2000. – 346 с. – С. 194–210.
4. Иванов Г. В. Что-то сбудется / Георгий Иванов. – М.: Эксмо, 2011. – 384 с. – (Народная поэзия).
5. Кабанов А. Стихи 2006 года [Электронный ресурс] / Александр Кабанов. – Режим доступа: <http://modernpoetry.ru/main/aleksandr-kabanov-stihi-2006-goda>.

6. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / Ирина Ильинична Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
7. Лопатин В. В. Оценка как объект грамматики / В. В. Лопатин // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке (Виноградовские чтения XIX–XX / Ин-т рус. яз. РАН. – М.: Наука, 1992. – 131 с. – С. 70-75.
8. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / Иосиф Павлович Мучник. – М.: Наука, 1971. – 298 с.
9. Николина Н. Современное поэтическое творчество / Наталья Николина // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 16–19 мая 2003 г.). – М.: 2004. – С. 90-99.
10. Полозкова В. Непоземание [Электронный ресурс] / Вера Полозкова. – Режим доступа: <http://modernpoetry.ru/contemporary/vera-polozkova-nepozemanie>.
11. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / Александр Афанасьевич Потебня. – Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.
12. Ревзина О. Г. Основные черты структуры грамматической категории рода / О. Г. Ревзина // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. – М.: Наука, 1976. – С. 4-24.
13. Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова / О. Г. Ревзина // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 303-308.
14. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Елена Александровна Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.
15. Скоробогатова Е. А. Доминанта числа, рода и падежа в поэтическом тексте / Е.А. Скоробогатова // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения», 17 мая 2011 года. – М.; Ярославль: Ремдер, 2011. – С. 382-388.
16. Фатеева Н. А. Рождение интерпретации: взаимодействие уровней в стихотворном тексте / Н. А. Фатеева // Основные тенденции развития поэтического языка XX–XXI вв. Языковые уровни и их взаимодействие. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. – 400 с. – С. 327-392.
17. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Галина Павловна Цыганенко. – К.: Рад. школа, 1982. – 240 с.

(Статья поступила в редакцию 20 октября 2016 г.)